

— Она беспокоится о тебе, — сказал Оуян. — Просто выражает это не совсем правильно.

— Кому нужно её беспокойство! — надула губы Оу Цзин, её лицо выражало недовольство. — Я же не маленькая девочка, да и она мне не настоящая старшая родственница. С кем я дружу, какое ей до этого дело? Почему она должна вмешиваться?!

— Действительно, не должна, — кивнул Оуян. — Поэтому я сказал ей, чтобы она больше не лезла в твои дела. В конце концов, жива ты или нет, это не её ответственность.

Оу Цзин хотела было сказать «и правильно», но, почувствовав, что в словах Оуяна скрыт какой-то подтекст, промолчала.

Заметив её молчание, Оуян поднял бровь:

— С кем ты вообще дружишь? Неужели это действительно проблема?

— Две из них действительно пристали ко мне из-за вас и того, кто стоит за вами, — не стала отрицать Оу Цзин. — Но они лишь льстят мне, пытаются угодить, ничего плохого — по крайней мере, пока — не сделали. Мы переписываемся, ходим в чайные, перекусываем, болтаем о пустяках — это неплохое развлечение. Я знаю правила вашего дома, и несколько раз, когда они предлагали прийти с визитом, я отказывала. Когда они звали меня к себе, я тоже отказывалась, ссылаясь на отсутствие старших, которые могли бы меня сопровождать.

— Хорошо, что ты знаешь меру, — кивнул Оуян. — Не хочу хвастаться, но твой дядя со временем станет всё более значимым в глазах императора, и тех, кто будет пытаться подлизаться ко мне, станет больше. Тебе нужно учиться различать, кто искренен, а кто притворяется, и оценивать скрытые намерения этих людей.

— Это мне нужно осваивать постепенно, — серьёзно сказала Оу Цзин. — Умение читать людей — это тоже навык, вы не можете ожидать, что я сразу стану в этом мастером.

— Не бойся обидеть кого-то, — подчеркнул Оуян. — Не то чтобы я хвастался, но в этом мире нет такого человека, которого я не смог бы обидеть.

Оу Цзин рассмеялась:

— Дядя, вы не боитесь, что избалуете меня, и я устрою вам огромный скандал?

— Не боюсь, — с высокомерием ответил Оуян. — Если небо провалится, его можно починить. Только смотри, чтобы ты сама не провалилась.

— Дядя, не сглазьте меня, — с упрёком посмотрела на него Оу Цзин.

— Я не шучу, будь серьёзной, — Оуян оставался невозмутимым. — Когда этот год окончательно закончится, твои родители, скорее всего, вернутся в столицу...

— Около пятнадцатого числа, — вставила Оу Цзин. — Сегодня я получила письмо от отца, в котором он сообщает, что вернётся в столицу до февраля, чтобы получить титул, но не уточняет, какой.

— Что ещё может быть? Титул наследственного хоу, конечно! — Оуян скривился, а затем спросил:

— Вся семья возвращается?

— От стариков до детей, — Оу Цзин поняла намёк и кивнула. — Отец велел мне как можно лучше привести в порядок наш дом — тот, что был раньше — и привести дворы в прежнее состояние.

Оуян фыркнул.

— Что-то не так? — удивилась Оу Цзин.

— Нет, просто должен тебе кое-что сказать. Когда мы ещё не вернулись в столицу, твой дядя Оу Мо, взяв с собой четвёртого дядю Оу Фана, приехал в усадьбу в уезде Лю. Под предлогом защиты семьи он потребовал, чтобы я покончил с собой. Я проигнорировал его и приказал сломать ему обе ноги, после чего отправил его обратно вместе с четвёртым дядей. Когда они вернутся в столицу, будь осторожна с Оу Мо, чтобы он не воспользовался своим положением старшего и не выместил злость на тебе.

— Он действительно требовал, чтобы вы покончили с собой?! — широко раскрыла глаза Оу Цзин. — У него мозги закипели?

Оу Цзин не знала о страхах своей семьи. Она видела, как Ци Юньхэн из года в год приближал к себе Оуяна и полагался на него, и благополучие семьи Оу теперь зависело от Оуяна. Если бы они действительно заставили Оуяна покончить с собой, семья Оу окончательно лишилась бы шансов на выживание.

— Наверное, он слишком долго пробыл в утробе матери, и с самого рождения его мозги не были чистыми, — Оуян не стал объяснять Оу Цзин подробности, лишь холодно усмехнулся, присоединившись к её насмешкам над Оу Мо.

Оу Цзин хитро улыбнулась:

— Дядя, если дядя Оу Мо действительно найдёт возможность выместить злость на мне, могу я сразу же ответить ему?

— После того как ответишь, не забудь вернуться ко мне за укрытием, — уклончиво ответил Оуян.

— Поняла! — Оу Цзин сразу же рассмеялась.

Несмотря на то что Оуян отчитал Оу Цзин, он не смог сразу же уйти из дома, так как она крепко ухватилась за него, запинаясь и пытаясь попросить о небольшой услуге. Однако, кряхтя и мямля, она так и не смогла объяснить, в чём именно заключается её просьба.

— Если не скажешь сейчас, я больше не буду слушать, — нахмурился Оуян.

— Нет, нет, нет! — Оу Цзин снова схватила его за руку, прикусив губу, и с обидой сказала:

— Это не такое уж большое дело, просто... просто я не знаю, как вам это сказать. Дело в том, что это касается моего друга...

Не дожидаясь, пока она закончит, Оуян поднял бровь:

— Друга?

— Настоящего друга! — тут же подчеркнула Оу Цзин. — Того, с кем можно делиться секретами, и он из равного круга, его семья тоже имеет титул — титул государства Хуа!

— О-о-о... что с ней? — нарочно протянул Оуян.

— Не с ней, а с её семьёй, с её отцом и матерью...

Оу Цзин, изо всех сил стараясь подобрать слова, которые не опозорят её подругу, с трудом изложила суть дела.

Короче говоря, это была история о том, как человек, добившийся успеха, решил бросить свою старую жену, чтобы жениться на новой.

Главный герой этой истории — отец подруги Оу Цзин — был генералом Ци Юньхэна, одним из семи знатных людей, получивших титулы после основания новой династии. Его звали Чэ Гуанмао, и он был известен как Динбэй-хоу, Северный хоу.

Эти семь человек были первыми, кто получил титулы после основания новой династии, и именно они могли получить право на вечное наследование титулов. Из зависти и ревности чиновники при дворе объединили их в группу, дав им прозвище «Три гуна и четыре хоу».

Чэ Гуанмао, Динбэй-хоу, был самым молодым из них, ему было всего тридцать пять лет. Однако его дочь — настоящая подруга Оу Цзин — Чэ Бао-эр, была на год старше Оу Цзин и уже достигла семнадцати лет.

Чэ Бао-эр была дочерью первой жены Чэ Гуанмао, и она была его единственным ребёнком. Именно это и стало причиной, по которой Чэ Гуанмао решил развестись с женой: отсутствие сына.

Однако, как рассказала Чэ Бао-эр, настоящая причина развода заключалась в том, что её отец во время военных походов встретил женщину из обедневшей аристократической семьи и сделал её своей наложницей, родив с ней сына и дочь. Чтобы эти дети — особенно сын — могли официально появиться на свет и унаследовать всё его богатство и статус, Чэ Гуанмао решил избавиться от своей первой жены, которая «занимала место, ничего не делая».

Чэ Бао-эр и её мать оставались в родной деревне Чэ Гуанмао, не сопровождая его в походах.

Однако, прежде чем Чэ Гуанмао успел отправить людей в деревню, чтобы разорвать отношения с женой с помощью денег или угроз, Ци Юньхэн вмешался, тайно организовав благое дело — без ведома генералов он приказал перевезти их жён, детей и близких родственников в столицу, чтобы они могли воссоединиться и насладиться плодами своей победы.

Конечно, у этого шага были и другие причины, но для Чэ Гуанмао это стало громом среди ясного неба, полностью ошеломив его.

Не меньше была ошеломлена и его первая жена, госпожа Цянь. Она с радостью привезла дочь и слуг в столицу, думая, что наконец-то достигла успеха, поднявшись благодаря мужу. Однако, ещё не успев войти в усадьбу, она услышала от привратника: «Откуда ты, деревенщина? Наша госпожа хоу прекрасно себя чувствует в усадьбе!» Эти слова ошеломили госпожу Цянь.

К счастью, рядом с Чэ Бао-эр и её матерью были члены Стражи Золотого Клинка, посланные Ци Юньхэном. Чтобы снять с себя вину за ошибку, они вступили в спор с прислугой усадьбы, ссылаясь на приказ императора, и в итоге заставили Чэ Гуанмао выйти и «прояснить» ситуацию.

После этого инцидента Чэ Гуанмао уже не мог тихо развестись с женой.

<http://bllate.org/book/16203/1454476>